

ИНТЕРИОРИЗИРОВАННОЕ ЛЮДОЕДСТВО

В статье прослеживается трансформация феномена древнейшего физического людоедства в современное психологическое. Вскрыт бессознательный механизм интериоризации и «психологизации» людоедства как проявление социального зла. Показано, что «Я» человека находится между двумя смертельными угрозами: между смертью в толпе и смертью в индивидуализме.

Ключевые слова: людоедство, миф, интериоризация, групповая психология, индивидуализм, глобализация.

G. M. Shaverdian

INTERIORIZE CANNIBALISM

The article traces the transformation of the physical phenomenon of ancient cannibalism in modern psychological. Dissected unconscious mechanism of interiorization and "psychologizing" cannibalism as a manifestation of social evil. It is shown that the "I" of man is between two deadly threats: in the crowd between death and death in individualism.

Key words: cannibalism, myth, interiorization, group psychology, individualism, globalization.

Как известно, египетский бог и царь Осирис научил людей земледелию (изобрел плуг), садоводству (открыл тайны растений), виноделию, астрономии, письму, строительству, обучил и распространил искусства, ввел первые правовые каноны и совершил еще много благих дел. Нам рассказывается также, что он убедил людей отказаться от людоедства. Осирис был убит своим братом, богом Сетом, пожелавшим править вместо него. Но Исида нашла его труп и по совету Анубиса собрала разрубленные части его тела, а их сын Гор с помощью мудрости Гермеса отомстил Сету, став единственным наследником своего отца. Самого же Озириса можно встретить только заглянув в тот мир, в который вступает человек, когда он проходит через врата смерти. Однако он также воскресающий бог. Гробница его изображается покрытой зеленью и растущим рядом деревом, на котором в виде феникса сидит его душа. Причем дерево это прорастает через гробницу, обвив ее своими ветвями и корнями.

Мифы принадлежат неисчислимому времени и восстановить их хронологию не представляется возможным. Однако на протяжении последней пары столетий вполне можно проследить, как давно исчезнувшее массовое

физическое людоедство реанимировалось в своей интериоризированной форме и перешло в массовое «психологическое людоедство», которое неотступно преследует человека, набирает обороты и становится все изощреннее. При этом, возникшая полтора века назад наука психологии занимает в этом процессе позицию то пассивного протоколиста, то активного катализатора.

Для начала проследим различные точки зрения на процесс интериоризации. В широком смысле интериоризация состоит в том, что первоначально существующая внешняя, социальная форма взаимодействия между людьми становится компонентом психики человека, проще говоря, происходит преобразование структуры предметной деятельности в структуру внутреннего плана сознания.

В научный лексикон понятие интериоризации было введено представителями французской социологической школы, в частности Э.Дюркгеймом. В их работах оно связывалось с процессом социализации и означало заимствование основных категорий индивидуального сознания из сферы общественных представлений, т.е. под интериоризацией подразумевался перенос общественного сознания в индивидуальное, при

котором менялось только местонахождение, но не природа явления.

По С.Л.Рубинштейну это – формирование внутренних условий в результате внешних воздействий. В теории Л.С.Выготского интериоризация (этот процесс он называет также «вращивание или овнутривание») в основном относилась к формированию «системного» строения сознания в противоположность «смысловому» строению, и требовала в качестве дополнительного компонента интеллектуализацию (или рационализацию). В обсуждаемом случае все с точностью совпадает: интеллект или радио оказывает в деле интериоризации людоедства неоценимую услугу. Далее А.Н.Леонтьев конкретизировал понятие, введя положение о том, что индивид присваивает достижения предшествующих поколений (интериоризованный исторический опыт). Вместе с тем, человек в процессе интериоризации овладевает не только конкретными знаниями, но и соответствующими психическими способностями и способами поведения (1).

В психиатрии интериоризация – это просто скрытое от окружающих переживание психически больным волнующих его обстоятельств. В психоанализе это понятие сближается с понятием «интроекции» и привлекается для объяснения роли межличностных отношений в формировании бессознательного, которое, в свою очередь, влияет на структуру сознания. Для психоаналитика понятие «интериоризация» нужно для понимания того, каким образом в онтогенезе и филогенезе под влиянием структуры межличностных отношений, формируется структура индивидуального или коллективного бессознательного, а впоследствии – сознания.

Наряду с процессом переноса общественного сознания в индивидуальное, может происходить также обратный процесс переноса содержания индивидуального сознания в общественное или вынесение во вне результатов действий, осуществляемых во внутреннем плане (экстериоризация). Так идеи Дарвина, основанные на происхождении физического тела человека так, как если бы не было и нет происхождения иного «тела» (чем же тогда занимается психология?), стремительно просочилась в социум, и человек стал жить в соответствии с этим воззрением. Или, хитростные и ломающие веру в человеческое бытие воззрения Н.Макиавелли взяли на вооружение не только государственные мужи; ими умело пользуются в любом сообществе, (в психологию даже введено понятие «макиавеллианский интеллект» – способность формировать коалиции, придумывать раз-

личные уловки для повышения своего социального статуса, предвидеть реакции и поступки «соплеменников» на основе «моделирования» их намерений, знаний и образа мыслей, умение плести интриги и т.д.). То же относится и к «мудрствованиям» Д.Карнеги: многие фирмы и предприятия обучают правилам общения по Д.Карнеги при приеме на работу. Словом, существующее внутри одного индивида сначала выливается на бумагу, распространяется в обществе и производит перенос внутреннего во внешнее. Некоторые авторы, под экстериоризацией понимают только единичный эпизод внешнего действия – увидел во сне таблицу химических элементов, расчертил ее; представил образ скульптуры – воплотил его и пр.

Оставив в стороне проблему неоднозначности понимания понятий «интериоризация-экстериоризация» со стороны указанных и неуказанных авторов, попытаемся с опорой на это понятие выделить некоторые особенности интериоризации феномена каннибализма.

С мотивационной точки зрения каннибализм классифицирован как: физиологический (голод), ритуальный или религиозный (жертвоприношения, целью которых было выведывание тайн космоса или т.н. «Черная месса», желание убить и съесть врага, чтобы духовная сила физических органов врага перешла на того, кто эти органы съедает (некоторых случаях съедаемый не был врагом, а, например, жрецом или царским сыном, который съедался, чтобы с телом его присвоить его знания или величие), медицинский, например, древние римляне употребляли кровь гладиаторов как средство от эпилепсии. Последний класс составляет не менее ужасающая перверзия, сопровождаемая сексуальным смыслом.

Феномен каннибализма приобретает особое значение в русле дарвинизма: если все существо человека без остатка животного происхождения и руководствуется животными потребностями, а духовно-душевная сущность со своими потребностями только преобразованная и облагороженная животность, то доведенная до крайнего полюса не облагороженная сущность логически приводит к каннибализму, тогда как все остальное слагается в зависимости от того, насколько удачно протекает процесс жесткого естественного отбора и борьбы за существование. Катастрофические события последнего века – войны, социальные, политические потрясения, предпринимательское варварство, потребительский психоз, коррупционные метастазы, жесткая конкуренция и пр., указывают на радикальное игнорирование ин-

тересов другого и умелые действия по принципу «цель оправдывает средства». Орбита влияния такого рода психологии на людей тотально расширилась, смыв предшествующую, набранную тысячелетиями палитру ценностей.

Исторически эти ценности слагались как общезначимые, хотя первоначальный импульс для их распространения исходил от отдельных индивидуальностей, которые, опередив время, улавливали соответствующие идеи морально-ценностного и познавательного свойства, после чего они переходили в сознание человечества. Но поскольку последнее не однородно и включает различия национальных, религиозных, политических и прочих идейных тенденций, то общечеловеческие ценности распались на групповые; стали неизбежными войны и раздоры, что продолжается и сейчас, но на смену этому заступают другие процессы, а именно процессы дробления группы. Каннибализм также основывался на групповом интересе – одно племя добывало жертву из «чужих» и предоставляло ее в общее пользование. Групповой «предметный» интерес, основанный на голоде, через неисчислимо количество лет интериоризировался в групповой понятийно-мировоззренческий интерес. «Религиозная война, - пишет Ф. Ницше, - способствовала величайшему прогрессу масс, ибо она доказывает, что массы стали почтительно общаться с понятиями» (2). «Почтительное отношение к понятию», придание ценности и веса идее в отличие от «предмета» или «материи», указывало на потребность, возвышающуюся над витальной потребностью - на потребность мыслить и формировать понятия. Групповой интерес в области понятий надолго остался решающим. Идеологические схватки в большинстве своем основывались на групповых эгоистических интересах и преследовали групповые цели – национальные, идеологические, партийно-политические, конфессиональные и пр. Самые острые и недавние примеры – действия младотурков, гитлеризм и сталинизм. Последний отличился также тем, что люди, служащие групповой цели, впоследствии уничтожались сами последующими служителями, а те – последующими и т.д.

Наряду с тем, что групповой эгоистический интерес продолжает активно действовать в мире, последние 20 лет так называемого переходного периода показали, что групповые эгоистические интересы все больше уступают место **эгоистическому индивидуализму**, при котором групповые интересы сохраняются только на основе индивидуальных, поэтому прежняя группа может

с легкостью распадаться и формироваться новая, если обнаруживается более сильная группа во властном и перспективно-денежном отношении. Этим объясняются, к примеру, постоянные перескакивания людей из партии в партию в зависимости от степени провластности партии, отсутствие групповой сплоченности в коллективах, редукция лояльности к вышестоящим в зависимости от перемены позиций последнего и пр. Свидетельством разрушения группового является также крушение институтов, которые еще недавно казались незыблемыми. Так, церковь во всем мире за последнее десятилетие потеряла в своем респекте столько, сколько не теряла за две тысячи лет. Возникло полное недоверие слову и, в частности, медийному; нет кумиров масс, идеологии себя изжили, отсутствуют даже общепринятые слоганы и штампы мышления и поведения; все смазывается, разжижается и исходит в пустых речах. В качестве «идеологии» держится разве что реальная и незамедлительная выгода, но и она уже себя не оправдывает на втором мыслительном или поведенческом шаге.

Двадцатилетний опыт рынка и публичной политики на постсоветском пространстве показал, что оба они действуют под знаменем индивидуализма: рынок поступательно движется в сторону гипермонополизации и перехвата монополии у партнеров (включая убийства), а политика, потворствует такому рынку «крышеванием». В результате оба они породили организм сиамских близнецов, когда одна голова кормит другую отнятым у остальных людей куском, а другая, в свою очередь, отражает нападение тех, у кого этот кусок отняли. Вскоре выясняется, однако, что «голова-политика» требует все большей добычи, а «голова-рынок» хочет от нее отделаться. Тогда первая голова начинает пожирать вторую, одновременно давая возможность вырасти третьей, которую ждет та же участь. При этом выполняющая политический заказ правовая структура юридически регулирует это метаморфозированное людоедство. Эта ситуация социального каннибализма напоминает поведение жука-бродяги (rove beetle), который, используя разнообразные стимулы, в том числе обонятельные и тактильные, заставляет муравьев давать им приют, а также защищать и кормить их личинки. Механически реагируя на «трюковые» приемы жуков, муравьи обращаются с ними так, как будто те являются их собратьями-муравьями. Внутри гнезд муравьев жуки отвечают на гостеприимство своих хозяев черной неблагодарностью, поедая их яйца и молодняк; однако муравьи никогда не причиняют жукам вреда

(3). Точно так, олигархи не причиняют вреда политикам, зная об их суровом норове и опасаясь дальнейших «пожирающих» действий. В этой области совершенно перестало функционировать правило взаимопомощи, основанное на взаимном интересе и чувстве ответственности. Этот вирус перекинулся на межличностные отношения – больше никто не обязан прилагать усилие, чтобы считаться с другим. **Когда же взаимное чувство ответственности уходит на задний план, теряет смысл сама "взаимность", следовательно, обесценивается общее и групповое, а человеческое взаимодействие ограничивается борьбой отдельных "голов" между собой в рабочем кратковременном режиме противостояния «брендов» удачливого и лузера.**

До распада СССР эта ситуация сглаживалась и маскировалась внушенным коллективизмом. Существовал большой групповой эгоистический интерес, диктующий хотя бы формальные правила культуры общежития. Эта групповая декорация сменилась на жесткий индивидуализм, и это, пожалуй, самая существенная трансформация за последние 20 лет: из огня групповой психологии в пылающий индивидуализм. Мы освободились из одной тюрьмы, чтобы тут же, без передышки, попасть в другую. Конечно, носители эгоистических сил постоянно стремятся к объединению, индивидуалисты хотят создать некую «индивидуалистическую группу». Но этот план наталкивается на реалии жизни, доказывающие временность и зыбкость оснований для такого объединения. Сиюминутный интерес опрокидывает все другие основания «ценностно-ориентационного» единства, поскольку с самого начала это единство было основано на индивидуальной выгоде и поклонении деньгам.

Этот индивидуализм возник не сразу, как черт из табакерки (точнее, как черт, но не из табакерки). С начала прошлого века были предприняты попытки превратить человечество в групповое, стадное существо, сделав его однородным, чтобы управлять им на свой лад. Османская империя совершила эту попытку без особой идеологической подкладки и явила пример реанимации стадного людоедства. Причем, эта психология стада распространилась не столько на жертву, сколько на самих палачей; даже визуально озверевшие турки больше напоминали стадо, чем вырезаемые армяне, простирающие руки к небу.

Ленин и Сталин предприняли вторую грандиозную попытку гомогенизации, которой могло быть противопоставлено только индивидуальное сознание. Вот красивый пример этого противостояния: создавая

«Вехи», М.О.Гершензон, особо просил Бердяева, Булгакова, Струве, Франка не советовать друг с другом, не создавать общей платформы, где сотрутся личные черты и потеряны будут личные пути в глубину. Он задумывал «Вехи» как призыв искать ответ на вызовы времени только в собственной глубине, доверив единство незримому диалогу, возникающему над различием реплик, уходящих вглубь. «Вехи» должны были стать структурой, в которой мыслитель остается самим собой, а не членом партии, подчиненным ее программе и уставу, а в конечном счете – воле «харизматического лидера» (4).

Третью попытку «съесть» человека совершил Гитлер. В своем бесценном анализе поведения заключенных и нацистов в концентрационном лагере Б.Беттельхейм описывает нечеловеческие усилия человека остаться человеком, говоря иначе, не «быть съеденным»: «Осознание собственных поступков не могло их изменить, но их оценка давала какую-то внутреннюю свободу и помогала узнику остаться человеком. Те, кто выжили, поняли то, чего раньше не осознавали: они обладают последней, но может быть самой важной человеческой свободой – в любых обстоятельствах выбрать свое собственное отношение к происходящему. Необходимо было сознавать, где проходит черта, дальше которой нельзя отступать ни при каких обстоятельствах, даже если это значит рисковать жизнью». И он приводит точный пример этой последней черты. «Эсесовец обратил внимание на двух евреев, которые «сачковали». Вызвав поляка, он приказал закопать провинившихся живьем. Тот отказался, даже после избиений. Тогда было приказано двоим евреям закопать поляка. Те согласились, и когда уже почти не видно было головы, было приказано откопать его. После было приказано поляку закопать этих двоих евреев. Поляк подчинился, т.е. была сломлена последняя черта» (5). Свою цель – поглощение «Эго» и дегуманизацию поступка – с леденящей прямотой высказал А.Гитлер, заявивший о «ничтожности и абсолютной незначимости индивидуума», а по признанию Г.Гиммлера, порабощение и уничтожение миллионов невинных совершается ради создания человека, не имеющего «Я». «Тело и мозг, – объявил он, – и ничего больше» (6). При этом, воля должна была автоматически подключена к мозгу, а переживания выключены. Силы же неиспользуемой эмоционально-чувственной сферы, и в частности, опыт болезненных переживаний, высвобождаются, прибавляясь к интеллекту и воле. Любопытно отметить, что ампутированные переживания при сохранности «мозга и тела» являются одновре-

менно клинической картиной шизофрении и особенностью героя нашего времени. Оба случая указывают на негодность (и не угодность) души, меж тем, словами Ю.М. Лотмана, «когда у человека болит душа, он точно определяет, что она у него есть».

Очевидно, что во всех трех попытках уничтожения «эго» использовался фактор интериоризированного каннибализма всех типов: вызывалось физиологическое людоедство (только в 1933 году на Украине от голода умерло около 7 миллионов человек), применялся религиозно-идеологический тип людоедства (мифологемы типа «контра», «враг народа», «чистота расы» и пр.), появилась новая ритуальность (справлялись «черные мессы», например, поклонение мавзолею), медицинская мотивация (евгенические эксперименты нацистов, бесконечные вивисекции советских ученых), а также психологический каннибализм вперемешку с сексуальными перверзиями. Зло, причиненное этими мировыми событиями, носит не локальный, а антропологический характер; в них - угроза самому существованию человека как человека, и эта угроза связана с эволюционными импульсами в судьбе человечества. Не становится ли ясно, что эти трагические события истории прямо указывают на бдительность в отношении следующих шагов в данном направлении?

Не считая сегодняшних пантюркистских, чекистских и нацистских все еще ощутимых «последствий», все три начинания окончились провалом. Но силы, задавшиеся целью гомогенизировать человечество, на сей раз запустили «тroyанский конь», имя которому «глобализация». Даже самая ожесточенная борьба идеологий, например, между национализмом и коммунизмом в этом отношении не сравнится с этим хитрым «конем»: без лидера (вожака), без привязанности к группе и без явных идеологических обоснований, глобализационные процессы подкрадываются с черного, «незащищенного» хода подсознания и въедаются в сознание человека, делая его сначала носителем массовой культуры, а потом – превращая человечество в толпу. Толпа же, по Г. Лебону, никогда не стремится к правде, отворачивается от очевидности и предпочитает поклоняться заблуждению. Самое великое заблуждение заключается здесь в исторжении духа, в суггестивном воздействии принципа, что все начинается и завершается чувственным миром. Эта латентная идеология не конкретизирована и не просматриваема, это – не «кавалерийский наскок» предшествующих идеологий, «наживку» которого человечество вряд ли слотнет, хотя, как говорил

Станислав Ежи Лец, «то, что нас можно обманывать снова и снова, внушает мне оптимизм». Очевидно, что оптимизм связан с неискоренимой и спасительной способностью человека разоблачать обман, потому что самое губительное – это проглатывание «наживки», на которой написано: «это – не обман». **Но обманная программа «Толпа» уже запущена.** Эта новая попытка уничтожить индивидуальность и реставрировать людоедство основана на никогда не артикулируемой парадигмальной рамке, заимствованной из бихевиоризма: «S – R», где S – деньги (и вся палитра чувственных и «социально-психологических» удовольствий), а R – антисоциальность (шаблонные антисоциальные тенденции мышления и соответствующие им поведенческие реакции). Идеология этой программы – намешанная на виртуальности возбуждение интереса только к чувственному, ограничение себя телесным, поощрение того, чтобы не брать на себя труд размышлять, не брать на себя ответственности, бытийствовать в мире так, как если бы все приехали отдыхать в какое-то шале, в котором работники (труженики масс-медиа, ученые, политики, певцы и пр.) – некие развлекающие нас массовики-затейники. При этом, поесть нужно только то, что эти работники предлагают – массовую культуру и «массовую» науку. Если же длительное время все едят одно и то же, то становятся «одними» в ряду одних и тех же, т.е. «заурядностями», а массовая манипуляция возможна только с игнорирующей факты массовой заурядностью. Приводя пример того, как крупные несчастные происшествия в одном случае сильно поражают воображение людей, а в другом – не производят ровным счетом никакого впечатления, Г. Лебон приходит к выводу, что «не факты сами по себе поражают народное воображение, а то, каким образом они распределяются и представляются толпе. Необходимо, чтобы, сгущаясь, если мне позволено так выразиться, эти факты представили бы такой поразительный образ, что он мог бы овладеть умом толпы и наполнить область ее понятий» (7).

В итоге, навеянный американизмом принцип – «каждый за себя» – одерживает сокрушительную победу на территории бывших Советов. Индивидуализм последовательно распарывает швы, связующие людей между собой, а глобализационные процессы берутся повсеместно наложить их снова. Ситуация с глобализацией напоминает ставший актуальным анекдот про Брежнева: «Нам нужен мир, ...желательно, весь!». **Получается парадоксальная картина: с одной стороны, усиливающийся индивидуализм не подда-**

ется управлению и «отклоняет» групповую психологию, с другой, – осуществляется грандиозный проект «о-групп-ления» (и оглушения) всего человечества под видом его объединения.

Невозможно не заметить, что за двадцатилетие т.н. переходного периода на территории бывших советских республик был возвращен некий новый «Циклоп», на свой лад наполняющий «область понятий», манипулирующий установками, ценностями, чувствами, мыслями и поведением людей. В отличие от мифологического Циклопа-людоеда, который не обладал особым умом (даже если ловил кого-то, чтобы его съесть, его можно было обмануть и убежать), новоявленный Циклоп силен, виртуозен и последователен именно в обмане. Еще бы! Тысячелетиями отточенный интеллект не идет в сравнение с древним мифологическим имажинативным мышлением, поэтому, если древний Циклоп выковал простое оружие – перун (дву- или трезубец), то новому «людоеду» потребовалась вся технологическая оснастка психики человека вплоть до «тонкого мира». Так, к примеру, вполне можно говорить о духовности, совершенно отрицая дух, фотографировать ауру, диагностировать Высшее «Я» и заниматься прочим бредом. Сменив **методы** (металлический трезубец на соответствующий культурно-технологический арсенал), **поведение** (дикость и необузданность на «образованность» и политкорректность), **внешность** (уродство – на гламурный сексуальный антураж), **место обитания** (потайные глубокие пещеры – на мельтешащую перед глазами поверхность), **голос** (гром – на шептание), **работу** (кузнечное дело – на лабораторию изоощренных психотехник), **предмет вождения** (физическое тело – на человеческое «Я»), людоедство встало во весь рост своего архетипического значения. В довесок к этому, при всем ужасе, который мог бы внушить древний циклоп, он никогда не мог бы быть одним: он не мог бы быть рабом, не мог бы быть «ressentiment». «В то время как благородный человек полон доверия и открытости по отношению к себе, – пишет Ф. Ницше, человек ressentiment лишен всякой откровенности, наивности, честности и прямоты к самому себе. Его душа косит, ум его любит укрытия, лазейки и задние двери; все скрытое привлекает его как его мир, его безопасность, его улада; он знает толк в молчании, злопамятстве, ожидании, в сиюминутном самоумалении и самоуничтожении. Раса людей ressentiment в конце концов неизбежно окажется умнее, нежели какая-либо знатная раса...» (8). Отсюда шаг, и фашизм со своей чистотой расы, но в другой конно-

тации, готов. Без свастики и иных атрибутов, раса ressentiment изничтожает, принижает и замалчивает тех, кому хватает аристократизма духа заявить о «голом короле».

Какой же культурный арсенал стоит на службе у нового «людоеда-ressentiment»? Центральная ось толпы – отсутствие культуры в ее расширенном значении: не ряд запретов, а совокупный дух «искусство-наука-религия». Она начинается с частного суждения и отношения ко всему вне и внутри происходящему, которое необходимо тщательно отслеживать и ювелирно отделять от всеобщего и навязанного. Эта ось, рождаемая в каждой индивидуальности, родственна по духу с космической Осью мира (Axis mundi), связывающей небо и землю. Она строится на индивидуально добытом содержании, качестве, смысле, Логосе, тогда как «культура», стоящая на службе у «одноглазого», вербует солдат посредственности, она и сама – посредственность, настоянная на деньгах и политической рекламе. На поверхности для нее важна «сервировка», тогда как ее глубинная и конечная цель – покинуть Логос. Рынок со своим внеморальным менталитетом и политика со своей ненасытностью подмяли под себя нежные ростки подлинной культуры. В области культуры межличностных отношений перестало функционировать одно из существенных правил взаимодействия – правило взаимного обмена, сформулированное интеракционистами и основанное на чувстве благодарности. Мы обязаны постараться отплатить человеку за оказанную им помощь, любезность, возможность, способность, но внутри современного интеллекта оказывающий помощь – уже отработанный материал, в то время как конкуренция вдохновляет на последующие «подвиги». Бизнес все больше регламентирует образование, девальвируя саму идею образования – образующегося и формирующегося человека, и дело не в самом бизнесе или экономике, а в том переходе из экономического в социальное (антисоциальное), который он совершает. Сегодня культура и бизнес пересекаются и точка этого пересечения – антисоциальный перехват материальной атрибутики (власть, деньги, удовольствия), а доведенная до своего логического конца антисоциальность – есть чистейшей воды каннибализм. Когда-нибудь экономика и культура все-таки пересекутся в социальном, и это будет **братство и культура** в искомом, а не в разложившемся значении слова.

Совершенно не последние фигуранты этого разложения – психологи. Их (ну, или наши) «проделки» даже приблизительно не напоминают «людоедство», постольку все

сегодня в психологии удобно, просто и привечно, как собственная ладонь. Сложнейшие проблемы души подвергаются симплификации, вульгаризации, опошлению и отдаются в руки «психологов» из ток-шоу и глянцевого журналов. Если это теория, то теоретизирование с абстрактными схемами, таблицами и классификациями, если эмпирия, – то с экспериментом, стерильно вычищенном от следов жизни, если практика, – то его величество потребительский «заказ». Подобно Сталину, который связал судьбы наций на постсоветском пространстве в такой узел, что берущиеся его распутать, запутывают его еще больше, психологи, прикинувшись, что решают жизненные проблемы души, заставляют отмахиваться от этих проблем людей других профессий. Более того, эта наука взяла на себя роль латентного идеологического авангарда, например, ни при каких обстоятельствах не забывая фрейдовский постулат о первичности животного начала в человеке и его принцип удовольствия, не забывая результаты «мрачных» экспериментов С.Милгрема, за которыми не последовало их герменевтического продолжения, держать в уме «обыкновенное пошлое зло» (А.П.Чехов), распространяемое технологами «счастья» и пр. Считаем далеко не случайным, что первое рассмотрение добра и зла в своей работе «К генеалогии морали» Ф.Ницше начинает именно с психологов. «Эти английские психологи, – раздумывает он, – ...ищут решающие для развития факторы в привычке, или в забывчивости, или в слепом и случайном сцеплении и механике идей, или в чем-нибудь чисто пассивном, автоматическом, рефлекторном, молекулярном и основательно тупоумном». Далее Ницше определяет причины влечения к этим проблемам: «малость пошлости, малость помрачения, малость антихристианства, малость щекотки и потребности в перце, а сами они – старые, холодные, скучные лягушки, которые ползают и прыгают вокруг человека, в человеке, словно бы там они были вполне в своей стихии – в болоте. Мне говорят, что это просто, а я внемлю этому с сопротивлением, больше того, я не верю в это; и ежели позволительно желать там, где нельзя знать, то я от сердца желаю, чтобы с ними все обстояло наоборот – чтобы эти исследователи и микроскописты души были в сущности храбрыми, великодушными и гордыми животными, способными обуздывать как свое сердце, так и свою боль и воспитавшими себя к тому, чтобы жертвовать истине всякими желаниями – каждой истине, даже простой, горькой, безобразной, отвратительной, нехристианской, неморальной истине... Ибо есть ведь и

такие истины». Да, есть. И эта истина – «каннибализм». Если мышление функционирует по законам механики (ассоциация, научение, подкрепление, генерализация), поведение есть функция рефлекса (поощрение-наказание), а память обусловлена только привычкой, если единственным критерием истины является ее прагматичность, а единственным объяснением переживания (страдания, сострадания, вины, стыда, чувства несовершенства) являются промахи в адаптированности к среде, то необходимо прямо объявить себя животным или зверем и ратовать за каннибализм.

Определенно, здесь речь идет о бихевиристах, протолкнувших знак «S – R» в психологию и оставивших его там навсегда. Но и психоанализ по существу не отстал от, по выражению Ницше, «мелкой подземной враждебности и rancune (злобе) к христианству (и Платону)», которые сегодня достигли пика. Позитивизм, объявленный единственным методом исследования души, облегчила жизнь ученой «мафии», умудрившейся построить психологию на исключительно материалистически ориентированном мышлении (к слову, упрощением души облегчила себе жизнь и духовенство, туманящее сознание и коптящее небо поповскими байками). Такое мышление по Ж.Делезу есть «узнавание», меж тем как мышление в искомом смысле есть творчество, преодоление себя и «объект встречи». А «встреченное может быть Сократом, храмом, демоном» (9). Так почему же психология преимущественно встречается с демонами? Почему экспериментальные психологи не встречаются с фактами, повышающими ценность человека, почему обходят стороной порождения духа и реальности свободы? Может быть, дело в методе и в мыслительном фундаменте метода? В.М.Розин в своей работе о мышлении приводит изумительные слова Иустина (II в.) о мышлении: «Бог не есть имя, но мысль, всаженная в человеческую природу...» (10). Как же «осторожно» мыслят психологи, что им удастся не замечать эту мысль, а на прямое напоминание об этой мысли отвечать лакейским: «не могу знать-с»? О подобном, не «приземленном» способе мышления напроць забыло и искусство, а также церковь, в чем, разумеется, виновата не она сама, а ее греховная паства. В итоге – разложение всего организма культуры (и скука...).

Мы нашли не то, что искали, потому что искали в эфемерной субстанции психики и в человеческом «Я» то, что видно перед самым носом, что можно потрогать, понюхать и откусить, пока преданность к откусываемому и само оно откусываемое не откусило нам

руку и не выкололо глаза. Мы стали «заложниками» того, что «видно», а заложили наши собственные души, становясь «заложными», т.е. неупокоенными умершими.* Фокусируясь на внешнем мире в познании внутреннего мира, мы потеряли способность «зреть» целый мир духовных реальностей, потому что, когда ищут как попало и просто, то и находка оказывается простой. Такая простота хуже воровства (прямого), ибо воровство и порождает (косвенное) воровство: смысла слова, наполненности понятий, содержания мысли, богатства переживаний и самой возможности волевого выбора. Простота в своем позитивном значении обязана быть не в ходе психологического анализа, а в начале (т.е. на стадии эмпирического факта), и в конце, когда за вычетом всех случайных детерминаций и взаимных корреляций (некая феноменологическая редукция), высветилась «идея» научного факта, которую достигает разве что гештальттерапия на практике, но никак не академическая психология. Дзэнский мыслитель VIII в. Цин Юань писал: «Прежде чем человек изучил дзэн, горы были для него горами и воды водами. Потом, когда он взглянул в истину дзэн, горы стали не горы и воды не воды. Но когда он действительно достиг обители покоя, горы снова стали горами и воды водами».

Так и с каннибализмом. Всякое существующее положение настоящего – есть возврат к началу, но на другом уровне и в другой форме. Прежде, чем человек стал мыслящим, каннибализм имел буквальный смысл. Пройдя циклы цивилизаций, он подверглось «овнутриванию», схоронившись в глубинных слоях бессознательного. Возрождение в качестве взаимного уничтожения на фоне дикой конкуренции, национализма и пр., и всеобщего уничтожения «Я» на фоне глобализации показывает, что если вектор развития цивилизации кардинально не поменяется, возможно, что каннибализм, по крайней мере по части буквальной резни и расчленения, снова станет буквальным (первые «ласточки» отмечены, например, в недавних оранжевых революциях в Египте и Ливии, а также Киргизии). Ибо внутри тройного раскола – постсоветского, постиндустриального и постмодернизма, выбор человека сведен к

минимуму: или пассивность и социальная тупость, как при синдроме Аспергера, или дикие, разрушительные формы поведения, а учитывая кумулятивный эффект психики человека, эти два объединяются в одно, с разницей только во времени и первичности: сначала тупость, потом дикость. Добавим также, что наблюдаются признаки явные реанимации приемов ЧК, инквизиции и фашизма, а при пристальном взгляде эти три можно объединить в один дьявольский почерк – страх, подкуп, шантаж, пытки, голод, угроза близким (достаточно сравнить соответствующие средневековые католические буллы с приемами власти при сталинизме и гитлеризме, в частности, архивный материал протоколов допросов).

При этом нельзя не учитывать, что прошлое не исчезло, а существует в бессознательном, и при соответствующих обстоятельствах, может всплыть вновь. Согласно исследованиям трансперсоналистов, из бессознательного в своем первоначальном виде каннибализм визуализируется в измененных состояниях сознания. Среди трансперсональных переживаний и опыта базовых перинатальных матриц (БПМ-3) С. Гроф выделяет столкновение с гротескным и сатанинским: человек, переживающий этот аспект, может увидеть себя участвующим в ритуалах Черной мессы, пьющим кровь жертвы, сцены гниения и разложения и пр. (11). К.Абрахам, связывает монструозные содержания бессознательного с психосексуальным развитием, в частности, стадией амбивалентного кусания. З.Фрейд рассматривал каннибализм как возвращение к единству тотема глубокой древности и язычества, проводя аналогию между причащением и каннибалическим жертвоприношением, а евхаристию как метафору «тотемической трапезы убийства отца», при котором присваивают себе часть силы «отца»**, а через такое «присвоение» происходит идентификация с отцом. Анализируя феномен каннибализма, К. А. Богданов, опираясь на П. Стросона, отмечает любопытный парадокс. Тело признается необходимым условием человеческой самоидентификации, поскольку оно конкретизирует индивидуальность (особенность) его владельца. Каннибализм заключается в идентификации с другим объектом самоидентификации. Но «никакое отождествление, – пишет Богданов

* «Заложный» – человек, умерший «неправильной» смертью, то есть не проживший положенный ему срок, или знавший с нечистой силой. Становится нечистой или ее слугой (упыри, кикиморы и др.). Неправильная смерть – такая смерть, когда человек умер, «не изжив» срока, или жил неполноценной жизнью – не вступал в брак, не оставил после себя потомства. Также заложными покойниками могут стать те, кто при жизни общался с нечистой силой. Заложные покойники противопоставляются людям, умершим правильной смертью – «дедам», «родителям», «пращурам»

** Невзирая на глубину анализа бессознательного, без трансформации сознания – от осознания себя животным до осознания себя духом, на смысл христианства, и, в частности, на смысл евхаристии ответа не дать. Также не дать ответ в пределах только психического. «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому, что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому, что об этом надобно судить духовно» (1Кор. 2, 14).

нов, немислимо без различения, во-первых, своего и чужого, во-вторых, единичного, особенного и общего» (12). Поглощение чужого тела равнозначно поглощению чужой индивидуальности и определенному отказу от собственной. Причем, это различие не может быть эксплицировано, поскольку идентификация с другим вызывает изменения в самоидентификации, и именно это нарушает порядок социальной ойкумены (греч. *oikumen* – обитаемая).

Не значит ли это, что как съедаемый, так и съедающий лишаются ценности индивидуальной конкретизации? От индивидуальности кусок за куском отрывается его конкретная самобытность, для чего старательно подготавливается почва – стираются границы между индивидуальностями. Меж тем, необходимым условием понимания другого является венаходимость понимающего (М.Бахтин), без которого, выражаясь терминами гештальттерапии, исчезает контактная граница между внутренним и внешним миром (патологический механизм слияния). В результате этого, на контактной границе не формируется гештальт и происходит тройная фальсификация: на фазе интереса-отклика на другое «Я», на фазе собственного действия – коммуникации, и на фазе ассимиляции – возвращения к себе, но другим, обогащенным и измененным. Это – во-первых. Во-вторых, мнение, что можно что-то изменить в межличностных отношениях без возвращения слову принадлежащего ему статуса – жестокое заблуждение. «Сегодня, – можно сказать, – всемирно исторический трюк состоит в том, чтобы говорить очевидные вещи, действующие с убеждением на многих людей, но, в сущности, совершенно не показывать того, что дало бы основу для правильного суждения» (13). В ходе общения постепенно стираются смыслы слов и оставляется их шелуха; господство девальвированного слова достигла такого предела, что сами слова приобрели статус тиранов, которыми человек не может управлять. Отсюда – проблема размытости и отсутствия пространства понятий общего и частного, индивидуального и общепринятого, которая и без этой размытости решается сложно. Употребление слова уподобляется жонглированию «шелухой», при которой «не спрятаться от великой муры» (О.Мандельштам), меж тем как понимание слова – его оживление и наполнение. По отрезвляющим словам В. Библихина, «слово есть мера мира», и в той мере, которой оно само просветлено, этой мерой оно освещает мир. Можно себе представить, насколько освещают внутренний мир таблицы, графики и прочие гистограм-

мы из страниц психологических журналов! Конечно, существуют трудности психологического понимания, при котором слово говорящего зеленое, слушателя – красное, а психолога-интерпретатора окрашено синим, но мы забываем, что помимо того, что существует уже обозначенный словом «предмет», существует «предмет», пока не обозначенный цветом; и если незапятнанным экраном восприятия обращаться к нему снова и снова, с тобою «инсайтно» заговорит «точный цвет»! «Говорящий, – пишет герменевтик В. Айрапетян, – знает всё, но сам толком не сознаёт, то есть может сказать что думает лишь пока его не спросят; слушатель ничего сам не знает, он думает, сомневается и спрашивая сознаёт свое незнание; толкователь тоже ничего не знает сам, но отчетливо (: отчет) и ответчиво сознаёт словами говорящего» (14). Добавим к «отчету» и «ответчивости» «ответственность», потому что именно тогда, когда человек перестал быть ответственным за слово, он «проиграл» самого себя, ибо, как шутливо замечено, «человек стоит столько, сколько стоит его слово». Психологи перестали быть ответственными за основания истинности психологического знания, за глубину интерпретаций, придумав суррогаты душевных истин, выверяемых тестами и математикой. В действительности, они проверяют не испытуемого или явление, а самих себя, потому что их опыт, мысль и слово попали под подозрение оказаться ложными! Все началось с В.Вунда, когда, потеряв доверие к слову, потерялось доверие к методу интроспекции, и понадобились «объективные» методы измерения переживаний. Собственно, экспериментальная психология началась с подозрения, что выражающий переживание или мысль элементарно врет, и поэтому психолог стал его подозревать, а потому стал «подглядывать» в него как в замочную скважину своими кожно-гальваническими измерениями, а «подглядывание» построено на домыслах и к домыслам ведет, если не сказать к галлюцинациям. Врач и психофизиолог Р.Ротенберг даже говорит о «поисковой природе галлюцинаций». Психотик проявляет поисковую активность, действует в мире, искаженном его бредовыми представлениями, но действует активно и притом безо всяких шансов на верное предсказание дальнейших событий в условиях неопределенности.^{***} В этом смысле психологи разделяют психический статус эпохи – весь XX век напоминает

^{***} Сколько-либо внятное предсказание событий, прогноз хотя бы ближайшего будущего или предвидение последствий своих действий, со всей очевидностью не входит также в задачи мировых политиков. Каждый из них, вместо живого посоха Моисея, держит окрашенный цветами флага своей страны посох слепца.

анамнез психически больного. Также и психологическое исследование: оно не прямо получает знание из опыта, не выуживает из собственного бессознательного в «пиковые» моменты творчества (А.Маслоу), а стремится это знание «подцепить» в условиях неопределенности, забывая брешь непонимания терминами – «коль скоро недочёт в понятиях случится, их можно словом заменить («Фауст»)). Неопределенность существует также в отношении того, чему и кому, помимо собственной диссертации, это знание может служить. Но если шизофреник имеет шансы на компенсацию, то «декомпенсация» ученых психологов уже свершившийся факт (чего стоит только то, что, например, целый ряд проходящих в Европе международных конференций по теме психологии потери (bereavement) вот уже 5 лет обходятся без единого намека на обсуждение феноменологических, экзистенциальных, пасторальных и духовных аспектов проблемы). Это – не вопрос кабинетной научности, а глобальная взрывоопасная проблема будущего человека: восстановление роли слова, доверия к собственной интуиции, к другому, к самопознанию и интроспекции. Но откуда взяться «сам-о-познанию», если из познающего изъят «сам» себя познающий?

Исследователи бессознательного и культурологи (Дж.Фрезер, М.Мид, М.Элиаде и др.) отмечают сакральное значение, которым дикари наделяют слово, особенно, нарицательное. По словам З.Фрейда «у дикарей имя составляет значительную часть и важное свойство личности, что они приписывают слову полноценное значение вещи» (15). Полноценное значение вещи или его сакральная сущность – «имя» и то, каким именем мы называем себя сами – наше «Я». Одиссей не назвал своего имени злому циклопу, когда тот спросил его об имени. Он назвал себя "никто", тем самым победив циклопа. Ослепленный великан кричал, что его ослепил "никто", и только узнав от отплывающего Одиссея его подлинное имя, в ярости от того, что свершилось давнее предсказание оракула о его ослеплении Одиссеем, он сбрасывает скалы на его корабли. «Имя», «Я» или индивидуальность должны быть невдогад тому, кто на него претендует, иначе все мы – до последнего «Я» будем съедены.

Подведем итоги. За последнее двадцатилетие наше общество трансформировалось в двух направлениях. Глобализация, поставив слово на «автопилот», породила незамысловатую науку, искусство, религию, экономику и политику, а гламурные поп и политически медиа-лица, смешавшие в одной «болтушке» серьезные проблемы с развлекательными,

сознательно или бессознательно обворожив огромное количество людей. Это – «действительность», которая к действительности не имеет никакого отношения. Зато к действительности имеет отношение цель всего этого: мало-помалу объединить максимальное количество людей в толпу или «социологически значимых граждан», стерев с их лица следы индивидуальности и беспрепятственно открыв дорогу к интериоризированному каннибализму.

С другой стороны, не считая «дохнувших» попыток к объединению, построенному на страхе не потонуть вместе (тоталитарные секты, темные оккультные братства, чекистские союзы, монолитность которых, невзирая на все усилия, слабеет), после великого крушения «коллективного» интереса люди не склонны к объединению и не видят для этого оснований. Эта тенденция негласного договора «каждый за себя» ввиду всеобщей коммерциализации породила хищный индивидуализм, который, казалось бы, идет вразрез с вышеозначенной тенденцией достижения психологически всеобщего-гомогенного. Но проблема имеет «двойное дно»: «Я» человека находится между двумя смертельными угрозами – между смертью в толпе и смертью в индивидуализме. **Интенция этих двух противоположных тенденций одна – совместное уничтожение «Я».** Унять этот аппетит не представляется возможным. Зато возможно осознать, что необходимо протиснуться раньше, чем этот процесс бойни «Я» не достиг такого критического момента, после которого он станет необратимым.

Смерть индивидуального носителя божественной мудрости – Осириса, убедившего людей не строить социальные отношения на каннибализме, постоянно длится. Но так же как в мифе, существует третий путь – оживление умирающего Бога, возрождение «Я» на основе его искомым, требовательных импульсов, на основе зреющего в глубинах психики стремления к справедливости и братству, на основе ведущих к истине самовопрошаний,^{****} словом, – на основе потребностей высших уровней мотивационной пирамиды А. Маслоу, а также на основе психологии, которая отвечает на эти потребности, уже переросла возрастной кризис поиска механической детерминированности и обратилась к духовной науке. Зарница этого проявлена на примере людей, которые не довольствуются лежащей на поверхности действительностью, но имеют волю вхо-

^{****} Приведем один пример такого самовопрошания: Ужель и впрямь, что я – не я? О Боже, Боже, Боже! Кем у себя похищен я? Кем воля связана моя? Кто самого меня мне стал дорожее? Микеланджело Буонарроти (перевод А.М.Эфроса)

дить в суть существующего положения вещей. Только, словами А. Меня, «все должно строиться на свободе; это тяжелый дар и, конечно, риск» (16). Зато высока и цена риска: наше «Я» не будет съедено и сохранится для возрождения. И тогда мы не будем констатировать возврат к людоедству в его трансформированном виде, но дождемся праздника возрождения божественной мудрости Осириса-Изиды и воскресной силы Логоса «лицом к лицу», как об этом говорил ап. Павел.

Ветхозаветное племя людей находилось под эгидой Бога; все были едины, ибо ощущали: все – от Единого. Общее распалось на группы, группы распадаются на индивидуалистов. В индивидуализме человек живет более осознанно, чем в группе, но как группы, так и индивидуалисты, взяли курс на взаимное поглощение. Трудно не усмотреть в этом корень сегодняшнего кризиса переходного момента. Но на пути возврата к общечеловеческому – уже на иных основаниях и в ином состоянии сознания – человечество

переживет еще не один кризис, удобренный каннибалистическими смыслами. Решительный и постоянный отказ от этих смыслов есть преодоление циклопа в себе, жаждущего захватить себе «другого» и то, что при нем. Некогда племя циклопов было сброшено в тартар Ураном,**** а его детородный орган породил красоту (Афродиту) и эриний, выполнявших для греков функцию пронзительно видимой совести. Логично предположить, что прокаленный совестью и облагороженный красотой индивидуализм, т.е. «этический индивидуализм»***** отделит от живой души современного человека мертвое тело эгоистического и утилитарного индивидуализма.

**** Уран – супруг Земли Геи, отец богов, олицетворяющий небо, первый правитель мира

***** «Этический индивидуализм» (Р.Штайнер) не следует смешивать с «экспрессивным индивидуализмом» (Ч. Тейлор), при котором отвержение традиционной религии в пользу индивидуализма и «экспрессивных верований» подчас доходит до абсурда.

В заключение предоставим вниманию читателя поэтическую зарисовку армянского художника и поэта Нагаша Овнатана (1661-1722) под названием «К лживым и нудным людям»:

Нам брат и гость лишь в чистоте \ Держащий свою торговлю средь людей,
Зануда ж, врун, обман свой длящий, \ Своих дел сажей лишь черней
Коптит лицо. К тому же то, что \ Дашь ему ты в одолжение
Не возвратит и без стеснения \ Заплачет, весь унижен, сторблен,
А между прочим он способен \ Сжевать весь мир и проглотить,
Больной живот чтоб насытить. \ Он накидал на шею всем веревки,
А руки ловки отобрать себе \ Все тонкое, а грубое – тебе.
Письмо его обманно и фальшив журнал, \ Слова его жеманно плетут тебе капкан.
Ах, если б только бы он знал: \ Его позор и бремя точит,
Меж тем, как свет сияет в твои очи. \ Он думает себе: «Мой друг ослеп,
Его я заморочу искусом змеиным». \ Но почему он так нелеп?...
Да вот ответ: \ Вы оба созданы Создателем Единым -
Ты просто знаешь это, он же - нет. (Перевод автора).

ЛИТЕРАТУРА

1. Интериоризация [Электронный ресурс]. URL: <http://wiki.myword.ru> (дата обращения: 4.12.2013).
2. Ницше Ф. Веселая наука. – М.: ЭКСМО, 2007. – 199 с.
3. Чалдини Р. Психология влияния. – СПб.: Питер, 4-е изд., 2001. С.25.
4. Померанц Г. Пророки и лжепророки. От мифологем к вехам реальности // Вестник Европы, 2009, №25.
5. Беттельхейм Б. Просвещенное сердце // Человек, 1992. – №2. – С. 77-78.
6. Равенскрофт Т. Копье судьбы. – М.: Крон-Пресс, 1998, С. 215, С.305.
7. Лебон Г. Психология народов и масс. – М.: ТЕРРА, 2008. С.169.
8. Ницше Ф. К генеалогии морали. Сочинения в 2-х томах. Т.2. М.: Мысль, 1990. С.4.
9. Делез Ж. Различение и повторение. – СПб., 1998. С. 181.
10. Розин В.М. Современное мышление и проблема творчества // Полигнозис, 1(29), 2007.
11. Гроф С. Холотропное дыхание. М.: Изд-во Института трансперсональной психологии, 2002. С.84-85.
12. Богданов К.А. Каннибализм: История одного табу // Пограничное сознание (Альманах "Канун". Вып. 5). – СПб., 1999, с. 198-233.
13. Штейнер Р. Исторические рассматривания. Карма лжи. Часть II, лекция 16, Дорнах, 7 января 1917, GA 174.
14. Айрапетян В. Лев Толстой, Достоевский, Сократ и герменевтика [Электронный ресурс]. URL: www.belyprize.ru (дата обращения: 4.12.2013).
15. Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. Часть II. Табу и амбивалентность чувств [Электронный ресурс]. URL: www.gumer.info (дата обращения: 4.12.2013).
16. Бычков С. Хроника нераскрытого убийства [Электронный ресурс]. URL: www.alexandrmn.ru (дата обращения: 4.12.2013).
17. Овнатан Н. Армянская древняя и средневековая лирика. – Ереван.: Свет, 1986, С.382 (на армянском языке).

REFERENCES

1. Interiorizatsiia [Internalization]. Available at: <http://wiki.myword.ru> (accessed 4 December 2013).
2. Nitsshe F. *Veselaia nauka* [The Gay Science]. Moscow, EKSMO, 2007. 199 p.
3. Chaldini R. *Psikhologiya vlianiia* [Psychology of influence]. Saint Petersburg, Piter, 2001. p.25.
4. Pomerants G. Prophets and false prophets. From mythology to reality milestones. *Vestnik Evropy - Herald of Europe*, 2009, no 25 (in Russian).
5. Bettel'kheim B. Enlightened Heart. *Chelovek - Man*, 1992, no.2. pp.77-78 (in Russian).
6. Ravenscroft T. *Kop'e sud'by* [Spear of destiny]. Moscow, Kron-Press, 1998, p.215, p.305.
7. Lebon G. *Psikhologiya narodov i mass* [Psychology of peoples and the masses]. Moscow, TERRA, 2008. p.169.
8. Nitsshe F. *K genealogii morali. Sochineniia v 2-kh tomakh. T.2* [To the genealogy of morals. Works in 2 vols. V.2]. Moscow, Mysl', 1990. p.4.
9. Delez Zh. *Razlichenie i povtorenie* [Difference and repetition]. Saint Petersburg, 1998. p.181 (in Russian).
10. Rozin V.M. Modern thinking and problem of creativity. *Polignozis - Polignozis*, 2007, no.1(29).
11. Grof S. *Kholotropnoe dykhanie* [Holotropic breathing]. Moscow, Izd-vo Instituta transpersonal'noi psikhologii, 2002. pp.84-85.
12. Bogdanov K.A. Cannibalism: Story of a taboo. *Pogranichnoe soznanie (Al'manakh "Kanun". Vyp. 5) - Borderline consciousness (Almanac "Eve". Vol.5)*. Saint Petersburg, 1999, pp.198-233 (in Russian).
13. Shteiner R. Historical review. Karma lies. Part II, Lecture 16, Dornach, January 7, 1917, GA 174.
14. Airapetian V. *Lev Tolstoi, Dostoevskii, Sokrat i germenevtika* [Leo Tolstoy, Dostoevsky, Socrates and hermeneutics]. Available at: www.belyprize.ru (accessed 4 December 2013).
15. Freid Z. Totem i tabu. *Psikhologiya pervobytnoi kul'tury i religii. Chast' II. Tabu i ambivalentnost' chuvstv* [Psychology of primitive culture and religion. Part II. Taboos and feelings of ambivalence]. Available at: www.gumer.info (accessed 4 December 2013).
16. Bychkov C. *Khronika neraskrytogo ubiistva* [Chronicle unsolved murder]. Available at: www.alexandrmen.ru (accessed 4 December 2013).
17. Ovnatan N. *Armianskaia drevniaia i srednevekovaia lirika* [Armenian ancient and medieval poetry]. Erevan, Svet, 1986, p.382 (in Armenian).

Информация об авторе

Шавердян Гаяне Михайловна (Республика Армения, Ереван) – Доктор психологических наук, заведующая кафедрой социальной психологии. Ереванский государственный университет. E-mail: gms17@yahoo.com

Information about the author

Shaverdian Gaiane Mikhailovna (The Republic of Armenia, Yerevan) – Doctor of Psychology, Chair of the Department of Social Psychology. Yerevan State University. E-mail: gms17@yahoo.com